

УДК 342.7

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Э. Ю. Балаян

SEVERAL FACETS OF CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY OF THE STATE TO PROTECT HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

E. Yu. Balayan

В статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы закрепления и реализации конституционной обязанности государства по защите прав человека в современном национальном праве. Исследуется влияние особенностей конкретного общества и государства на выполнении международных обязательств по защите прав и свобод человека. Автор считает, что результативная защита прав и свобод человека невозможна без глубокого взаимодействия международного и внутригосударственного права; учета правовых позиций Европейского Суда по правам человека при применении законодательства Российской Федерации.

The paper presents several facets of the problem providing a legislative framework for and exercise of constitutional responsibility of the state to protect human rights in the present-day national law. The influence of a particular society and state peculiarities on the implementation of international obligations with the respect to the protection of human rights and freedoms is studied herein. The author of the paper believes that effective protection of human rights and freedoms is unfeasible without deep interaction between international and national law, and without taking into consideration ratio decidendi of the European Court of Human Rights when Russian Federation legislation is applied.

Ключевые слова: права и свободы человека, конституционная обязанность государства, конституционализм, Европейский Суд по правам человека.

Keywords: human rights and freedoms, constitutional responsibility of the State, constitutionalism, European Court of Human Rights.

В современном мире цивилизованные государства, исходя из требований норм, провозглашенных в международных актах, в своих конституциях закрепляют основные права и свободы человека и гражданина и устанавливают обязанность государства и его органов в вопросе защиты прав человека. Об этом свидетельствует, в частности, статья 2 Конституции Российской Федерации. Провозглашением на конституционном уровне обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права человека Российское государство признало приоритет общечеловеческих интересов над всеми другими ценностями государства. Выполнение государством, органами государственной власти, должностными лицами соответствующих обязанностей объективно необходимо самому государству и обществу, так как не только обеспечивает эффективную реализацию прав и свобод человека и гражданина, но и создает условия для поступательного стабильного развития непосредственно самого государства.

В юридической литературе отмечается, что в современной российской правовой науке понятие «конституционная обязанность государства по защите прав и свобод человека» не нашло должного выражения и закрепления. Потребность разработки понятия «конституционная обязанность государства по защите прав и свобод человека» продиктована, прежде всего, необходимостью обеспечения и защиты прав человека [5, с. 12].

Но содержание этой обязанности государства не ограничивается только признанием и законодательным закреплением основных прав и свобод человека и гражданина, а предполагает также ответственность государства по созданию необходимых условий и

системы реальных гарантий с целью их реализации, соблюдения и защиты.

В последние годы, как международное сообщество, так и Российская Федерация, значительно продвинулись в решении проблемы защиты прав человека. В частности, созданы новые механизмы защиты прав человека, как на внутригосударственном, так и на международно-правовом уровнях. Однако последние должны поддерживаться политикой государств, действиями государственных органов, органов местного самоуправления, правозащитных организаций и других институтов.

Вместе с тем, с развитием современных государств, развертыванием демократии, усложнением механизма управления общественными процессами, повышением политического, правового сознания людей растёт социальная активность последних перед обществом и государством. В таких условиях особенно важным становится вопрос доверия граждан к государству. Оно непосредственно обусловлено тем, как государство гарантирует и защищает права и свободы граждан, насколько предоставляется им возможность формировать собственную волю, участвовать в осуществлении функций государства, насколько обеспечивает достойную жизнедеятельность человека, его свободное и непрерывное развитие, готовность индивида вкладывать все свои возможности для общественного прогресса.

Кроме этого, права и свободы человека и гражданина, их реализация отражают характер государства. Более того, в этом аспекте очень важна реальная связь между декларированными конституцией и другими актами правами и системой юридических механизмов, процедур и гарантий, разработанных для обеспечения

реализации и эффективной защиты этих общечеловеческих ценностей. Конституция России закрепляет основные права и свободы человека, обязанность государства и его органов по их соблюдению и защите. Но с признанием, соблюдением и защитой прав и свобод человека и гражданина со стороны государства связываются серьезные проблемы, обусловленные сложившейся дисгармонией между декларируемыми правами и свободами и их реализацией, претворением в жизнь.

Проведенный анализ различных научных подходов к понятию юридической обязанности, в том числе выраженных в решениях Конституционного Суда РФ, позволяет в целом согласиться с автором следующего определения: конституционная обязанность государства – это закрепленные в Конституции России и подлучившие развитие в иных нормативных актах, подлежащие обязательному соблюдению и исполнению меры необходимого и должного поведения государства, его органов и должностных лиц, направленные на обеспечение конституционно значимых целей и задач [5, с. 12].

Учитывая то обстоятельство, что в данном исследовании будем опираться на такие понятия как «реализация», «гарантирование», «охрана» прав человека и др., необходимо внести ясность в указанные термины и проблему их соотношения. Очевидно, что они тесно связаны между собой, однако их содержательная нагрузка неодинакова.

Во-первых, признание основных прав и свобод человека предполагает закрепление общепризнанных норм международного права, а также вытекающих из естественного права неотчуждаемых прав и свобод в конституции и других законах государства. В данном контексте, исходное то, что упор должен делаться на конституционное признание достоинства и прав человека как высшую и неотъемлемую ценность и как непосредственно действующее право. В юридической литературе понятие «реализация права» [1, с. 15; 2, с. 26; 8, с. 238; 11, с. 53 – 59; 12, с. 222; 13, с. 13 – 26; 22, с. 65] содержит формы фактического осуществления положений правовых норм в поведении участников общественных правоотношений. А обеспечение прав человека рассматривается как система гарантий их реализации, то есть, совокупность таких общих условий и специальных средств, обеспечивающих их правомерную реализацию и стремящихся исключить или свести к минимуму нарушения права [3, с. 28 – 30; 16, с. 140; 18, с. 102].

Из вышесказанного следует, что реализация прав человека – более ёмкое и широкое понятие, поскольку включает в себя стадию обеспечения прав и свобод человека как создание необходимых условий для осуществления того или иного права. Можно сказать, что обеспечение прав человека по отношению к их реализации играет вспомогательную роль. Вместе с тем реализация охватывает также стадию осуществления требований и возможностей права, что выражается в действиях людей по претворению норм права в жизнь. Таким образом, реализация прав и свобод человека содержит не только их обеспечение (систему гарантий), но и систему действий и поступков людей по претворению в жизнь норм права.

В этой связи достойно внимания то обстоятельство, что обеспечение прав и свобод человека охватывает не только систему гарантий, возникающих на стадии охраны, то есть стадию правомерной реализации этих прав и свобод, но и стадию защиты, когда нарушаются права и свободы человека. Обеспечение нарушенных прав в этих случаях осуществляется путём их восстановления, с одной стороны, и привлечения виновных к ответственности – с другой.

Таким образом, обеспечение прав и свобод человека содержит систему гуманитарных правозащитных механизмов, судебных, юрисдикционных и иных гарантий их охраны и защиты. Безусловно, права человека, гарантирование их реализации обуславливают смысл законов, характер их применения, а также сущность и содержание деятельности законодательной и исполнительной власти.

При этом защита прав человека предполагает такую систему действий, которая направлена на предотвращение незаконного нарушения и ограничения прав, свобод и интересов личности, предупреждение этих нарушений и ограничений, а также возмещение причинённого физического, морального, материального и профессионального вреда [21, с. 196]. Защита прав человека и контроль над выполнением полномочий органами государственной власти в данном вопросе – задача правосудия.

Под сущностью конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека следует понимать деятельность государства, государственных органов и должностных лиц, связанную с обеспечением гарантированных прав и свобод человека, она заключается в необходимости определенного поведения.

В процессе исследования обнаружилось, что Конституция России не закрепляет обязанность государства по охране прав и свобод, а только обязанность по их защите в ст. 2, ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 3 ст. 46. Главная задача государства по охране прав и свобод заключается в обеспечении надлежащей реализации прав и свобод посредством осуществления системы взаимосвязанных мер, направленных на предупреждение нарушений прав, на устранение их причин [5, с. 13].

Анализ норм Конституции РФ и принятых на ее основе законов позволяет утверждать, что законодатель связывает с защитой не только восстановление уже нарушенных прав, но и установление такого правового режима, в котором бы предотвращалось подобное нарушение, то есть предусматривает их охрану.

Анализируя Основной Закон России, некоторые авторы приходят к выводу о том, что в Конституции РФ упоминаются только две категории лиц, на которых распространяется обязанность государства по защите прав и свобод граждан, – это человек и гражданин. Давая общую характеристику этим понятиям, подчеркивают, что государство между этими категориями ставит знак равенства [5, с. 13]. И никакое разграничение в их конституционно-правовом статусе не может освободить государство от обязанности, которую берет оно на себя, а именно обязанности по их защите и охране, независимо от того, человек это или гражданин.

В контексте реализации и защиты прав и свобод личности в полном объеме также важна задача регулирования вопросов гражданства со стороны государства. В этой связи в Декларации Хельсинкской встречи на высшем уровне (1992 г.) подчеркивалась необходимость законодательной регламентации всех аспектов гражданства (п. 55), что получило распространённое закрепление в конституциях (Болгария, Польша, Эстония и др.) и других правовых актах ряда государств (Алжир, Бельгия, Венгрия, Испания, Румыния, Франция и др.).

Конституционное право с гражданством связывает ряд важнейших правовых последствий, главное из которых то, что физическое лицо, имея правовой статус гражданина данного государства, может стать субъектом государственно-правовых отношений, а также свободно выезжать за пределы страны и беспрепятственно возвращаться на родину, независимо от места и времени нахождения пользоваться защитой и покровительством государства своей принадлежностью. Необходимо отметить, что гражданство кроме прав порождает взаимные обязательства и ответственность между гражданином и государством.

Вместе с тем, ответственность за нарушение прав человека и гражданина, в том числе за отсутствие условий и механизмов их полной реализации и надлежащей правовой защиты, несет не только определенный государственный орган или должностное лицо, а, прежде всего, государство в целом. В частности, в отношении права на получение квалифицированной юридической помощи это означает, что государство должно не только декларировать это право, но и создать условия и соответствующие правовые механизмы для его реализации [6, с. 26]. При этом государственное гарантирование и эффективная реализация права гражданина на квалифицированную юридическую помощь (в некоторых случаях – бесплатную) является структурным элементом системы реализации правового статуса личности в Российской Федерации [10, с. 17].

Принцип ответственности государства перед личностью, хотя и не в буквально такой формулировке, нашел свое выражение в статьях 2, 18, 45, 46, 52, 53, 55 Конституции России. Эти положения развиты в отраслевом законодательстве. Сложилась система судебного обжалования практически всех действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц. Приняты и реализуются материальные правовые нормы о возмещении вреда личности, причиненного административной и уголовно-процессуальной деятельностью органов государства. Однако в существующих правовых формах в России принцип взаимной ответственности государства и личности испытывает кризис [19, с. 3 – 4].

Современное Российское государство развивается в условиях реальных внешних и внутренних угроз – международного терроризма, распространения оружия массового поражения, региональных конфликтов, организованной преступности, коррупции органов власти. Как следствие, оно вынуждено поддерживать необходимый уровень государственной безопасности для адекватного ответа вызовам новых опасностей и

угроз. Остается сложным социально-экономическое положение значительной части населения. Эти и другие факторы затрагивают конституционные принципы правового положения личности и, как отмечено во многих исследованиях, негативно влияют на обеспечение внешней и внутренней безопасности России [14].

Современное международное право устанавливает для государств единые стандарты прав и свобод личности, реализация которых должна осуществляться главным образом на внутригосударственном уровне. Поэтому эффективная защита прав и свобод человека невозможна без тесного взаимодействия международного и внутригосударственного права.

Международная и национальная правовые системы включают в себя не только позитивное право, но также юридическую практику и совокупность институтов. Именно поэтому взаимодействие данных систем охватывает как нормативный, так и институциональный уровни.

Анализ многочисленных научных источников свидетельствует о том, что среди отечественных и зарубежных ученых нет единого мнения относительно механизма взаимодействия международного и внутригосударственного права в области защиты прав и свобод человека. Одни ученые утверждают, что права человека интернациональны и находятся вне государственной юрисдикции. Другие, наоборот, доказывают, что только государства определяют правовой статус личности, то есть устанавливают, осуществляют и защищают права и свободы человека. Третьи вообще отрицают деление права прав человека на международное и внутригосударственное, полагая, что права и свободы человека целостные и никакому делению не подлежат [15, с. 3 – 4].

Серьезной проблемой международного права прав человека является то обстоятельство, что государства нередко пытаются ограничить применение его норм. Такие попытки предпринимаются, в частности, в форме обоснования так называемого «культурного релятивизма», отрицающего универсальные права человека и обосновывающего тезис о том, что перечень прав личности, их содержание и возможности ограничения всегда определяются культурными, историческими, религиозными факторами в конкретном обществе. Пытаясь сократить сферу взаимодействия с международным правом в области защиты прав человека, государства широко используют оговорки к международным договорам, стремятся больше задействовать национально-правовые механизмы.

Объективные недостатки свойственны и самим международным стандартам прав человека. Иногда они не совсем четко определяют допустимые условия ограничения прав человека, устанавливают обезличенные нормы, не учитывающие возможности их реализации в конкретном государстве [15, с. 4].

В частности, государства Евросоюза консолидируют свои усилия по формированию условий, способствующих наиболее полной защите и выражению гражданином его прав и свобод. Прямым результатом подобных усилий является совершенствование принципов деятельности органов государственной власти,

нашедшее свое выражение в практике сотрудничества (партнерства) государства, общества и граждан [4, с. 3].

Институциональная система защиты прав человека на международном уровне также сталкивается с серьезными трудностями. Определенный кризис испытывают конвенционные органы. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), пытаясь преодолеть свою перегруженность, установил практику вынесения «пилотных» постановлений. Такая практика не всегда сочетается с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и способна лишить ЕСПЧ его субсидиарного характера. Созданный в 2006 году Совет ООН по правам человека еще не успел раскрыть весь свой потенциал, однако уже сейчас находится немало скептиков, сомневающих в его эффективности.

Слабости международной системы защиты прав человека пытаются использовать как оправдание для возможности создания «горизонтальной» системы защиты прав человека. Используя эту систему, сами государства в обход Совета Безопасности ООН могли бы предпринимать принудительные, в том числе военные меры к государствам, не выполняющим своих международных обязательств по защите прав человека [15, с. 4 – 5].

Важной теоретико-практической проблемой взаимодействия международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека является вопрос о том, необходим ли учет особенностей конкретного общества и государства при выполнении международных обязательств по защите прав человека. Следует подчеркнуть, что российское государство не в полном объеме выполняет международные обязательства, связанные с обеспечением и защитой прав и свобод человека, хотя Конституцией России признаёт приоритет международных договоров РФ (ч. 4 ст. 15). Россия – член ООН и Совета Европы, участник важнейших и общепризнанных международных документов в области защиты прав и свобод человека и гражданина. В этом контексте важен сравнительный анализ отечественного и международного законодательства с точки зрения обеспечения и защиты прав и свобод человека, поскольку, ратифицировав Европейскую Конвенцию «О защите прав человека и основных свобод» и дополнительные протоколы, Россия взяла на себя серьезные обязательства по приведению национального законодательства в соответствие с общепризнанными нормами международного права.

Так, обязательство государства обеспечить конвенционные права и свободы лиц, находящихся под его юрисдикцией, закреплено в ст. 1 Европейской Конвенции. Несмотря на основополагающий характер, указанная статья преимущественно направлена на протоколирование общей цели Конвенции, однако ст. 13 обязывает государства для гарантирования защиты прав и свобод лиц, пострадавших в результате правонарушения предпринять некоторые конкретные меры, которые должны вытекать из характера прав, закрепленных в ст. 13. Содержание статьи 13 Конвенции предопределяет задачи Европейского Суда по правам человека, которые связаны с разбирательством дел по данной статье. В частности, в решении по делу

Голдер против Соединённого Королевства (Golder v. the United Kingdom, Judgment of 21 February 1975) Европейский Суд, ссылаясь на мнение Комитета, отмечает, что «п. 4 ст. 5 и ст. 13, в отличие от п. 1 ст. 6 выступают в качестве «дополнения» других статей». Они не формулируют конкретных прав, а призваны служить в качестве процедурной гарантии для обеспечения «возможности обращения в суд» (п. 33).

В другом решении по делу *Кудла против Польши (Kudla v. Poland, Judgment of 20 October 2000)*, Суд указал, что ст. 13 прямо выражая обязательство государств, первыми защищать права человека и, в первую очередь, в рамках своих собственных правовых систем, создаёт для индивида дополнительную гарантию для обеспечения того, чтобы он эффективно воспользовался этими своими правами.

Изменение характера деятельности международных институтов, участвующих в защите прав человека, и фактическое расширение их компетенции приводят к чрезмерному вмешательству во внутренние дела государств. Примером такого вмешательства являются «пилотные» постановления ЕСПЧ. В этой ситуации национальные правовые системы вырабатывают защитные механизмы, в том числе конституционализм, который представляет собой правовую теорию, возникшую в практике государственных судебных органов, обосновывающую возможность полного или частичного невыполнения решений международных судов в случаях, когда выполнение таких решений противоречит конституционно защищаемым интересам данного государства. Такой подход является вынужденным ответом национальной правовой системы на чрезмерное международное вмешательство. Поэтому особенно важно, чтобы международное право прав человека было сообразовано с уважением государственного суверенитета и конституционных основ жизни общества [15, с. 12].

В условиях интеграции принцип уважения прав человека распространился на три уровня публичного взаимодействия – национальный, региональный и универсальный. На региональном уровне этот принцип получил значительное развитие и реализацию, о чем свидетельствуют принятые в рамках Совета Европы и Европейского Союза нормативно-правовые акты, а также созданные в их (нормативно-правовых актов) поддержку юридические механизмы обеспечения и контроля.

Принцип уважения прав человека, «обогащенный» на региональном уровне, оказывает определенное влияние на национальное право различных государств. Например, государства-члены Совета Европы обязаны привести свое национальное законодательство в соответствие с положениями ЕКПЧ 1950 г. Ярким примером влияния права Европейского Союза на национальное право его государств-членов может послужить Конституция Венгрии 2011 г. Структура главы «Свобода и ответственность», посвященной правам и свободам человека, практически идентична структуре Хартии Европейского Союза об основных правах 2000 г.: она условно разделена на 7 разделов, каждый из которых содержит аналогичные ценности и включает в себя соответствующие права и свободы.

По содержанию и способу расположения статей эта глава копирует Хартию ЕС 2000 г.

Трансформация наднационального права Союза в национальное право государств-членов обеспечивает позитивный процесс формирования более универсального и эффективного правового поля защиты прав человека на уровне отдельных государств [7, с. 15 – 16].

Деятельность Европейского Суда по правам человека простирается не только в интерпретационной сфере, но и в правотворческой. Именно ему принадлежит заслуга по созданию наднационального права защиты прав человека (в западной доктрине фигурирует название право Европейской Конвенции по защите прав человека). Каждое решение ЕСПЧ, устанавливающее факт нарушения Конвенции, несет в себе определенный конфликтный потенциал, т. к., подразумевает, что национальный суд был неправ в своей оценке обстоятельств дела. Национальные суды, в свою очередь, иногда отказываются признавать решения ЕСПЧ (яркий тому пример дело «Константин Маркин против России»). Европейский Суд имеет в своем арсенале не так много способов гарантировать соблюдение создаваемого им прецедентного права национальными судами. В этом отношении положение ЕСПЧ отличается от положения национальных верховных и конституционных судов, которые имеют право принимать решения в отношении нижестоящего суда. Именно поэтому взаимодействие Европейского Суда с национальными судами, основанное на взаимном признании и уважении, имеет первостепенное значение. От вектора их развития зависит эффективность всей системы защиты прав человека в Европейском регионе в целом [7, с. 19 – 20].

Концепция защиты прав человека складывалась в рамках Европейского союза постепенно, параллельно с углублением интеграции. Есть даже мнение, что долгое время институты Европейского сообщества отрицали применимость установившихся стандартов защиты прав человека к процессам, происходящим внутри организации [9, с. 3]. Таким образом, граждане большинства государств-членов Европейских сообществ, будучи защищенными от нарушений своих прав со стороны государств механизмом, сложившимся в рамках Совета Европы, оставались абсолютно незащищенными перед лицом нового наднационального механизма, расширяющегося и набирающего мощь с каждым годом. Институты Европейских сообществ теоретически имели право издавать акты вторичного права, обязательные для соблюдения государствами – членами, которые содержат положения, противоречащие обязательствам данных государств, взятым на себя при присоединении к Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод. Естественно, такая ситуация не могла не вызвать кризиса доверия к праву Европейских сообществ. Через 10 лет после создания Европейского экономического сообщества Конституционный суд Германии в своем постановлении подверг сомнению легитимность правопорядка Европейского сообщества и отказал ему в верховенстве над национальной системой [24].

Ключевую роль в вопросе создания системы защиты прав человека в рамках Европейского союза играет Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод [17], которой был присвоен статус «вспомогательного источника права» и которая, по сути, долгое время являлась основным каталогом прав человека в Европейском союзе [23].

После признания необходимости соблюдать основные права человека в деятельности институтов и органов Европейских сообществ и при издании актов вторичного права начался процесс становления механизма по выявлению и пресечению нарушений в данной области и по восстановлению нарушенных прав. Однако и механизм защиты прав человека, созданный в рамках Европейского союза, заслуживает довольно строгой критики. Самым эффективным инструментом по защите нарушенных прав в Европейском союзе на сегодняшний день является Суд Европейского союза. Ранее единственным наднациональным судебным органом, уполномоченным рассматривать споры, связанные с нарушением прав человека, гарантированных Европейской конвенцией по защите прав человека и основных свобод, был только Европейский суд по правам человека.

Некоторое время сферы компетенции данных судебных органов не пересекались, однако постепенно Суд Европейских сообществ (с 01.12.2009 г. – Суд Европейского союза) получил компетенцию рассматривать иски, касающиеся защиты прав человека, причем в этих вопросах Суд Европейского союза в первую очередь ориентируется именно на положения Европейской конвенции.

Анализ судебной практики Европейского суда по правам человека и Суда Европейского союза позволяет сделать вывод относительно координации двух европейских правозащитных систем, а так же о тенденции развития права международных организаций в области защиты прав человека.

Таким образом, можно сказать, что процесс формирования концепции прав человека в праве Европейского союза прошел довольно длительный и сложный путь от полного отрицания до возведения в ранг основополагающего принципа и необходимого условия для присоединения новых членов. Кроме того, на сегодняшний день процесс формирования механизмов защиты прав человека все еще находится в динамике. Одним из наиболее интересных аспектов является возможность присоединения Европейского союза к Европейской конвенции по правам человека – процедура, не имевшая аналогов за всю историю международного права [9, с. 3].

В свете вступления в силу Лиссабонского договора, вносящего изменения в учредительные договоры Европейского союза, изучение различных аспектов права Европейского союза, в том числе концепции защиты прав человека, приобрело особую актуальность и стоит в ряду первоочередных задач, в том числе и российской юридической науки, поскольку Европейский союз является одним из ключевых стратегических партнеров России, а эффективное сотрудничество возможно только при полном понимании правовой природы и внутренних механизмов работы

партнера. Кроме того, Российская Федерация является стороной Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод, а присоединение Европейского союза к Конвенции может повлечь значительные изменения, как в тексте самой Конвенции, так и в процедурах рассмотрения жалоб в рамках Европейского суда по правам человека.

Постановления ЕСПЧ служат важным импульсом для изменений в российском законодательстве. Недавним примером тому является принятие Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ. Отношения между Конституционным Судом России и Европейским судом по правам человека являются уважительными и партнерскими, поскольку оба судебных органа часто ссылаются на практику друг друга.

До недавнего времени Россия не проявляла склонности к конституционализму в общении с ЕСПЧ. Однако ситуация начала меняться в 2010 году после принятия ЕСПЧ постановления от 07.10.2010 г. по делу «Константин Маркин против России», в котором было подвергнуто критике определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 г. № 187-О-О. Председатель Конституционного Суда РФ публично отреагировал на это, отметив, что когда постановления ЕСПЧ сомнительны с точки зрения сути самой Конвенции, затрагивают национальный суверенитет и конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких постановлений.

С 2010 года начался активный процесс теоретического оформления российского конституционализма в отношениях с ЕСПЧ. Взгляды председателя Конституционного Суда РФ вполне соотносятся с позицией конституционных судов Германии, Франции, Австрии, Испании. Каждое из перечисленных государств в какой-то момент осознало, что ему необходимы теоретико-нормативные средства защиты своей конституционной основы от внешнего вмешательства.

Таким образом, в соответствии с **Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»** [20] судам общей юрисдикции даны разъяснения, касающиеся порядка применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации:

Литература

1. Авакьян, С. А. Реализация норм советского государства и права / С. А. Авакьян // Советское государство и право. – 1984. – № 1.
2. Алексеев, С. С. Теория права: в 2 т. – Т. 2 / С. С. Алексеев. – М., 1982. – 360 с.
3. Арутюнян, Г. Г. От Конституции к конституционализму / Г. Г. Арутюнян. – Ереван: Нжар, 2004. – 140 с. (на арм. яз.).
4. Астапенко, П. Н. Конституционно-правовые основы деятельности полиции (милиции) стран Европейского Союза и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юр. наук / П. Н. Астапенко. – М., 2009. – 60 с.
5. Белясов, С. Н. Конституционная обязанность российского государства по защите прав и свобод человека в современной России: автореф. дис. ... канд. юр. наук / С. Н. Белясов. – Саратов, 2012. – 23 с.

– содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней. При этом, законодательство РФ может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда. В таких случаях судам необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве РФ;

– судам при рассмотрении дел всегда следует обосновывать необходимость ограничения прав и свобод человека исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также, если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества;

– необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства не может оправдывать ограничение иных прав, предусмотренных в Конвенции (например, права на процессуальное равенство сторон в судебном процессе; права обвиняемого задать вопрос показывающему против него свидетелю). Поэтому суд не должен под предлогом соблюдения разумных сроков судопроизводства отказывать в исследовании доказательств, необходимых для полного и объективного разрешения дела, а также для обеспечения процессуального равенства сторон;

– положения пункта 4 статьи 5 Конвенции в толковании Европейского Суда предусматривают право лица на безотлагательное рассмотрение судом вопроса о правомерности его заключения под стражу и на незамедлительное освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным и необоснованным. В связи с этим судам после поступления жалобы и (или) представления на постановление об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу (о продлении срока содержания под стражей) необходимо незамедлительно направлять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения. Судам апелляционной инстанции надлежит рассматривать указанные жалобу и (или) представление не позднее срока, определенного в части 11 статьи 108 УПК РФ.

6. Ботнев, В. К. Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... д-ра юр. наук / В. К. Ботнев. – М., 2013. – 56 с.
7. Васильева, А. С. Гарантии принципа уважения прав человека в европейском праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук / А. С. Васильева. – М., 2012. – 28 с.
8. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России / Л. Д. Воеводин. – М.: Инфра-М-Норма, 1997. – 304 с.
9. Воскресенская, Л. А. Защита прав человека в праве Европейского союза: автореф. дис. ... канд. юр. наук / Л. А. Воскресенская. – М., 2012. – 27 с.
10. Галоганов, А. П. Правовой статус адвокатуры: российская законодательная модель и конституционные принципы обеспечения прав человека: автореф. дис. ... д-ра юр. наук / А. П. Галоганов. – М., 2011. – 50 с.
11. Ген, Н. Л. Специфика конституционных норм и особенности их реализации / Н. Л. Ген // Журнал российского права. – 2001. – № 11.
12. Енгибарян, Р. В. Теория государства и права / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. – М.: Юристъ, 1999. – 272 с.
13. Законность в Российской Федерации. – М.: Спарк, 1998. – 215 с.
14. Злоупотребления публичной властью и антикоррупционная политика в современной России: монография / Т. П. Агафонова [и др.]. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 432 с.
15. Ижиков, М. Ю. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека: автореф. дис. ... канд. юр. наук / М. Ю. Ижиков. – М., 2012. – 27 с.
16. Капицын, В. М. Права человека и механизмы их защиты / В. М. Капицын. – М.: Юркнига, 2003. – 288 с.
17. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950 г.) // Собрание законодательства России. – 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.
18. Нуркаева, Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики / Т. Н. Нуркаева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 254 с.
19. Поляков, С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юр. наук / С. Б. Поляков. – Нижний Новгород, 2011. – 59 с.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 05.07.2013. – № 145.
21. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2003. – 573 с.
22. Пряхина, Т. М. Понятие конституционности и реализация Основного закона / Т. М. Пряхина // Реализация Конституции России. – М., 1994. – 367 с.
23. Art. F Treaty of Maastricht. Official Journal C 191, 29.07.1992; Case 4/73 Baustoffgro.handlung v Commission of the European Communities [1974] ECR 00491, 44/79 Liselotte Hauer v Land Rheinland-Pfalz [1979] ECR 03727.
24. Bundesverfassungsgericht 22, 1 BvR 248/63, BvR 216/67, Entscheidung, 18.10.1967.

Информация об авторе:

Балаян Эллада Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ, доцент, +7951-573-11-94, elladalaw@rambler.ru.

Ellada Yu. Balayan – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law, Kemerovo State University.